

Марков А. В. Вопрос о подлинности церковных грамот, входящих в состав Новгородских летописей: [I. Грамоты Всеволода Мстиславовича и Всеволода Владимировича] // Богословский вестник 1911. Т. 3. № 9. С. 136–147 (2-я пагин.). (Продолжение.)

Вопросъ о подлинности церковныхъ грамотъ, входящихъ въ составъ новгородскихъ лѣтописей ¹⁾.

II.

„Правило законно“ и разныя редакціи устава кн. Владиміра

Обращаюся къ вопросу о подлинности т. н. „Устава“ кн. Владиміра. Рѣшеніе этого вопроса невозможно безъ предварительнаго опредѣленія древнѣйшей редакціи „Устава“. До сихъ поръ изслѣдователи ограничивались высказываніемъ мнѣнія, что древнѣйшая редакція „Устава“—та, которая сохранилась въ наиболѣе древней рукописи, а такъ какъ самая древняя рукопись съ „Уставомъ“—Новгородская Кормчая конца XIII в., то редакція Кормчей и признана древнѣйшей, принадлежащей первому составителю. Въ дѣйствительности вопросъ сложнѣе, нежели онъ представлялся ученымъ. Новгородская Кормчая была писана на средства архіепископа, по распоряженію новгородскаго князя, и была положена „въ церкви св. Софіи на почитаніе священникомъ“. Слѣдовательно, это была рукопись, предназначенная для удовлетворенія практическихъ нуждъ. Такая рукопись, естественно, должна была отразить на себѣ тѣ нормы каноническаго права, которыя бытовали въ Новгородѣ. Поэтому болѣе основанія некасть древнѣйшей формы „Устава“ въ такихъ рукописяхъ, которыя не играли роли справочныхъ юридическихъ книгъ. Изъ такихъ рукописей на первомъ планѣ стоятъ лѣтописи, произведенія, по самой своей природѣ чуждыя современной

¹⁾ Продолженіе. См. Юль, 361—367 стр.

живни и игравшія роль безстрастныхъ и неподвижныхъ намятниковъ старины.

Если встать на ту точку зрѣнія, что не рукописи юридическаго характера, а именно лѣтописи сохранили древнѣйшую редакцію „Устава“, то легко разбѣгаются все недоумѣнія, вызываемыя редакціей его, находящейся въ новгородской Кормчей XIII в. „Уставъ“ Владиміра вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ документовъ (списки князей, новгородскихъ посадниковъ и тысяцкихъ, митрополитовъ, новгородскихъ епископовъ и архіепископовъ, архимандритовъ, русскихъ городовъ, грамотъ Владиміра, Ярослава, Всеволода Владиміровича, Русская Правда сыновей Ярослава и Владиміра Мономаха, т. е. Закопъ Судный, Уставъ о мостѣхъ 1272 г. и Рукописание Всеволода Мстиславича) входитъ въ составъ новгородскихъ, московскихъ и цесковенскихъ лѣтописей XV—XVI в., а также нѣкоторыхъ рукописныхъ сборниковъ со статьями историческаго содержания. По изслѣдованію акад. А. А. Шахматова ¹⁾, перваго знатока русскихъ лѣтописей, все эти документы были включены въ лѣтопись, составленную въ 1423 г. по распоряженію митрополита Фотія.

„Къ услугамъ митрополита, говоритъ акад. Шахматовъ, стояли церковныя, монастырскіе и владычїе лѣтописныя сборники, которые не трудно было сосредоточить въ соответствующихъ вышесгахъ и конїяхъ въ митрополитчїей канцеляріи... Общерусскїй сводъ имѣлъ въ своемъ распоряженїи и новгородскіе источники“. Это указаніе изслѣдователя я могу подтвердить тѣмъ фактомъ, что именно въ 1423 г. митрополитъ Фотїй былъ озабоченъ вопросомъ о выборѣ высшихъ церковнослужителей и распорядился составить чинъ избранїя и поставленїя въ епископы, причемъ заключающееся въ чинѣ исповѣданїе вѣры въ 1424 г. произнеслъ новгородскїй архіепископъ Евфимїй предъ своимъ рукоположеніемъ ²⁾.

Итакъ документы, входящіе въ составъ новгородскихъ лѣтописей, какъ собраныя по распоряженію митрополита, должны для изслѣдователей имѣть всю силу авторитета, и

¹⁾ См. его статью „Предисловіе къ начальному кїевскому своду и Несторова лѣтопись“ въ „Извѣстіяхъ Отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ“, 1908, кн. I, стр. 240—241.

²⁾ Памятники древне-русскаго каноническаго права, изд. второе, ч. I, 437, № 52.

текстъ ихъ, безусловно, слѣдуетъ предпочитать тексту новгородской Кормчей XIII в.,—тѣмъ болѣе, что, по мнѣнію Н. Н. Срезневскаго и редакторовъ „Русскихъ достопамятностей“, уставъ написанъ на особенной тетради, пришитой къ рукописи XIII в., позднѣйшимъ почеркомъ XIV в. (см. объ этомъ у г. Голубинскаго, стр. 933).

Теперь, обращаясь къ грамотамъ Владиміра въ лѣтописяхъ и въ Кормчей, мы прежде всего замѣчаемъ, что „Уставу“ Кормчей въ лѣтописяхъ соответствуютъ два документа: 1) „Правило законно о церковныхъ людѣхъ, и о десятинахъ, и о мѣрилахъ градскихъ и о судѣхъ епископскихъ“, 2) „Рукописание святаго князя Володимера, крестившаго Рускую землю“. Акад. Е. Е. Голубинскій, отрицающій подлинность „Устава“, говоритъ (стр. 619, прим. 1), что въ первой статьѣ „уставъ Владиміровъ превращается въ историческую записку объ узаконеніяхъ и поначеніяхъ о церкви и духовенствѣ Владиміра и другихъ постѣ него князей“. Это—не совсѣмъ точно: въ „Правилѣ законномъ“ говорится о заповѣди Владиміра по отношенію къ его преемникамъ, о которыхъ онъ не могъ не думать, а также о „правовѣрныхъ великихъ князьяхъ“, которые приняли уставъ и прибавили много денегъ къ дару своего отца. Вотъ слова документа: „Въ лѣто 6496... Володимеръ.. уставъ, положенъ съборной церкви, съблюдати неразрушимо всему роду своему заповѣданю немъ царствующимъ... И правовѣрнии князи величьи тожде приана готово, а къ тому и много приложини, създаваше церковь Матери Божьей“. Последніе слова говорятъ, конечно, о постройкѣ Десятинной церкви, въ чемъ участвовали великіе князья, естественно—не постѣ Владиміра, а при его жизни.

Если вѣрять на точку зрѣнія акад. Голубинскаго, что „Правило законно“ составлено по „Уставу“, то окажется нецѣлѣснымъ тотъ источникъ, изъ котораго авторы „Правилъ“ почерпнули, какъ цитированныя слова, такъ и многое другое. Въ „Правилѣ“ далѣе говорится, что великіе князья въ архіепископію Матери Божьей „подавали грады, погосты, села, винограды, землѣ, борти, озера, рѣкы, волости съ всѣми прибытки, и десятое изъ всего царства и княженія; а княгини ихъ—свою многоцѣнную кузнь¹⁾, порты, злато, каменіе дра-

1) Металлическія вещи.

гое, великѣй жемчюгъ, иконы украшены, евангеліа утварьна ¹⁾, священныя трапезы, съсуды; царскы украсявъше, обогатиша наче тѣхъ, отъ кого-ти пріали“. Далѣе въ „Правиль“ есть еще одно вполне оригинальное мѣсто, также отсутствующее въ Кормчей XIII в.: „Отъ князя суда отъ всякаго десятая вѣкъна, и съ торгу десятаа недѣля (*воскресенье*), и отъ всего схода и прибытка, и отъ лова князя, и отъ всякаго стада и отъ всякаго жита десятое— въ соборную церковь: царь или князь въ десяти частехъ, а церкы съборная—десятую часть“.

Если, наоборотъ, мы примемъ грамоты лѣтописной редакціи за оригиналы, а Уставъ Кормчей за передѣлку этихъ двухъ грамотъ, то тѣло объясняется очень легко. Уставъ, какъ онъ читается въ повгородской Кормчей, не содержитъ въ себѣ ничего оригинальнаго, отличающаго его отъ двухъ лѣтописныхъ грамотъ. Начало его вполне сходно съ „Рукописалемъ“, до словъ „ни судити безъ владычня намѣстника“. Вторая, большая, половина Устава цѣлкомъ заимствована изъ „Правила законна“ и изъ устава в. кн. Всеволода (Владиміровича) о церковныхъ судѣхъ. Изъ Правила взяты перечисленія церковныхъ судовъ и церковныхъ людей, причемъ въ Уставѣ мы находимъ цѣлый рядъ подновленій языка и пропусковъ: древнее слово *умыканіе* замѣнено болѣе новымъ *умычки*, требуемое рѣчью настоящее время *постъкають* замѣнено будущимъ *постъкутъ*, пропущено *гробы крадутъ, или трѣски изъ креста емлютъ*. Последній пропускъ легко объясняется тѣмъ, что слово *трѣска* (шеника ²⁾ было непонятно на сѣверѣ, почему и все преступленіе исключено изъ грамоты. Неопредѣленное выраженіе *ей уставъ* замѣнено выраженіемъ, указывающимъ на князя *нашъ уставъ*, между тѣмъ какъ въ „Правиль законномъ“ далѣе уставъ названъ *отеческимъ*, т. е. уставомъ отцовъ церкви.

Остальныя части Устава Кормчей XIII в. заимствованы изъ документа, помѣщеннаго въ лѣтописяхъ подъ названіемъ: „Уставъ в. кн. Всеволода о церковныхъ судѣхъ, и о людѣхъ, и о мѣрилахъ торговыхъ“, и принадлежащаго повгородскому

¹⁾ Слово *утварьныи* неизвѣстно въ другихъ памятникахъ; ср. „бѣ въ-кто уноша, хытръ сы ковати златомъ всяку утварь“; „гривною и утварю златю красуяся“ (украшеніемъ).

²⁾ Слово это встрѣчается исключительно въ южныхъ памятникахъ XI—XIII в. См. Матеріалы для словаря, Срезневскаго.

мязю. И въ этихъ частяхъ можно отмѣтить искаженія текста въ Уставѣ Кормчей. Требуемое смысломъ рѣчи множ. число *суды церковныя* замѣнено единственнымъ *судъ церковный*; къ выраженію *избавить... отъ вѣчныя муки* прибавлена безсмыслица *отъ хрещенія неспасеннаго*, получившаяся вслѣдствіе того, что не понято древнее слово *прѣщеніе* (казнь), эпитетъ котораго *несъпасенный*, т. е. гибельный, напоминаетъ народный эпитетъ „спасёная милостыня“. Послѣ словъ *отъ огня негасимаго* слѣдуютъ выписка изъ Священнаго Писанія съ различными искаженіями: выписка изъ Второзаконія (XXXII, 35) *Мнѣ мечь, Азъ въздамъ, глаголетъ Господь* искажена такъ: *Господь рече: въ день мечь въздамъ* ¹⁾. Далѣе, послѣ словъ *или дѣти мои* пропущено *или внучята*; выраженіе *или судія или кто, а пообидитъ суды церковныя* искажено, и получилась такая рѣчь: *или судья, а пообидятъ судъ церковный, или кто иный*; старинная форма *седмю съборы* подновлена: *семю зборовъ*.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что редакція Устава, находящаяся въ повгородской Кормчей составлена лишь въ XIII или XIV в. на основаніи трехъ документовъ, которые всё искажены составителемъ. Отсюда не исключается и „Рукописаніе Володимера“. Сравнивая эту грамоту съ изложеніемъ ея начала въ Уставѣ, мы замѣчаемъ слѣдующія искаженія въ Уставѣ: 1) Въмѣсто правильнаго чтенія въ „Рукописаніи“ *въспрїалъ есмь святое крещеніе отъ греческихъ царей Костянтина и Василія* въ Уставѣ читается *...отъ гречьскаго царя*. Такое чтеніе акад. Голубинскій (стр. 621, прим. 4) признавалъ однимъ изъ доказательствъ подложности грамоты, тогда какъ въ дѣйствительности оно свидѣтельствуетъ лишь о малограмотности составителей редакціи грамоты, находящейся въ Кормчей: *отъ гречьскаго царя*—искаженіе дв. числа: *отъ грѣчьскою цѣсарю*. 2) Въ выраженіи *десятое отъ всякаго стада* составители Кормчей пропустили первое слово, почему явилась полая безсмыслица. 3) Логическое выраженіе *митрополиту и вѣсьмъ епископомъ* замѣнено нелогичнымъ: *м. и вѣсьмъ пискупіямъ*. 4) Древнее синтаксическое строеніе *дѣтемъ моимъ, ни внучатомъ* замѣнено новымъ: *ни дѣтемъ моимъ, ни в.* 5) Послѣ словъ *ни въ вси суды ихъ* прибавлено

¹⁾ Акад. Голубинскій пробовалъ исправить такъ: *въ день мести* (стр. 626), не догадываясь, что это взято изъ книги Второзаконія.

совершенно лишнее: *то все даль есмь*. 6) Пропущены слова: *и по волостемъ*. 7) Пропущена цѣлая фраза: *А кто вступитъ на мое даніе или сіа суды пообидитъ, судъ мнѣ и съ тѣмъ предъ Богомъ, а митрополиту проклинати его съборомъ*. Слова эти выключены, конечно, потому, что они не отвѣчали условіямъ новгородской жизни въ XIV в.

Теперь является вопросъ: какъ смотрѣть на редакцію Устава, помѣщенную въ Кормчей XIII в.? Можно ли ее вмѣстѣ съ акад. Голубишенимъ признать фальсификаціей, сдѣланной съ цѣлью распространить права духовенства на тѣ области, которыя раньше ему не принадлежали? Въ виду того, что Уставъ цѣликомъ списанъ съ другихъ, болѣе древнихъ, грамотъ, такой взглядъ не выдерживаетъ критики. Наоборотъ, встрѣчающіяся въ немъ чуть не на каждой строкѣ искаженія и безмыслицы ясно указываютъ на характеръ работы его составителя: послѣдній просто былъ человѣкомъ малограмотнымъ и не умѣлъ согласовать три документа, которые лежали передъ нимъ и авторовъ которыхъ онъ принялъ за одно лицо только потому, что все эти три документа начинаются съ указанія на крещеніе кн. Владиміра.

Изъ всего сказаннаго приходится сдѣлать тотъ выводъ, что древнѣйшая редакція грамоты Владиміра содержится въ лѣтописяхъ, восходящихъ къ лѣтописи, составленной въ 1423 г. Обращаясь къ вопросу о подлинности этой древнѣйшей редакціи, мы должны прежде всего опредѣлить составъ лѣтописи 1423 г. Лѣтопись эта до насъ не дошла, но ее опредѣлить можно на основаніи болѣе поздней лѣтописи, т. е. Никоновской, составленной также въ Москвѣ. Я не имѣю возможности здѣсь кратко изложить тѣ данныя, которыя привели меня къ убѣжденію, что Никоновская лѣтопись составлена между 1490 и 1505 годами. 1) Если такъ, то въ рукахъ составителей могли находиться весьма многіе древніе памятники, не дошедшіе до насъ. Затѣмъ, есть указанія, свидѣтельствующія о томъ, что составъ Никоновской лѣтописи, по крайней мѣрѣ, до 1412 г. представлялъ собою нѣчто цѣльное.

1) Нѣкоторыя изъ чтеній (напр., въ перечисленіи городовъ) Никоновской лѣтописи, сходясь съ древними новгородскими сводами, свидѣтельствуютъ о меньшей исправности Воскресенской лѣтописи, по сравненію съ Никоновской.

1) Въ различныхъ мѣстахъ лѣтописи мы встрѣчаемъ одну и ту же морализацію по поводу казни еретиковъ, принадлежащую, очевидно, перу одного составителя лѣтописи: по поводу казни епископа Феодора въ 1171 г. и казни стригильниковъ въ 1375 г. приведенъ одинъ и тотъ же евангельскій текстъ, отсутствующій въ другихъ лѣтописяхъ¹⁾. 2) Изъ многочисленныхъ и подробныхъ извѣстій Никоновской лѣтописи о митрополитѣ Фотіи, отношеніе къ которому лѣтописецъ отличается особенною почительностью, видно, что часть лѣтописи съ 1410 по 1431 г. составлялась людьми, близкими къ митрополиту и горячими его поклонниками. А такъ какъ сводъ 1423 г. былъ составленъ по порученію митр. Фотія, то отсюда слѣдуетъ, что этотъ сводъ былъ однимъ изъ источниковъ Никоновской лѣтописи. 3) Въ статьяхъ, составленныхъ въ 1423 г. и помѣщенныхъ въ новгородскихъ лѣтописяхъ XV в., первыми митрополитами на Русѣ названы Леонтій, Михаилъ, Іоаннъ; они же названы и въ перечисленіи Никоновской лѣтописи. Лѣтописнымъ сводамъ XIV в. эти имена вовсе неизвѣстны, и составленный въ Новгородѣ ок. 1421 г. перечень митрополитовъ называетъ первымъ русскимъ митрополитомъ Феопемитомъ, о которомъ есть извѣстіе въ Лаврентьевскомъ и т. п. спискахъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что списки различныхъ должностныхъ лицъ составлялись по лѣтописнымъ извѣстіямъ. А извѣстія о первыхъ трехъ митрополитахъ находятся въ Никоновской лѣтописи; слѣдовательно, тѣ же самыя извѣстія были помѣщены и въ сводъ 1423 г. Но слѣдуетъ замѣтить, что новгородскіе лѣтописи первымъ митрополитомъ ставятъ Леонтія, между тѣмъ какъ Никоновская лѣтопись—Михаила. Сравнительная выраженія этихъ лѣтописей, мы должны отдать предпочтеніе Никоновской лѣтописи. Въ новгородскихъ лѣтописяхъ читается слѣдующее: „А се русьстии митрополити: Леонтій, Михаилъ, Іоаннъ“... Въ Никоновской лѣтописи выраженіе болѣе обстоятельно: „Имена митрополитомъ русскимъ отъ крещенія Владимірова и донныи. Въ лѣто 6496, 1. Михаилъ; 2. Леонтій; 3. Іванъ“. Итакъ, Никоновская лѣтопись сохраняетъ слѣдъ работы, исполненной составителемъ перечня, который взять указаніе года, конечно, изъ лѣтописи.

¹⁾ Ср. другіе тексты въ Лавр. лѣт. подъ 1169 г. (1171).

Дѣйствительно, въ текстѣ Никоновской лѣтописи мы читаемъ слѣдующее: „Въ лѣто 6496... посла Володимерь въ Греки, къ пресвященному Фотѣю, патриарху Цареградекому, и взя отъ него перваго митрополита Михаила Кіеву и всей Русской земли... Бысть же сей митрополитъ... родомъ Сиринъ"... Далѣе о томъ же митрополитѣ Никоновская лѣтопись говоритъ подъ годами 6497, 6498, 6499 и сообщаетъ объ его кончинѣ въ 6500 г. О томъ, что первымъ митрополитомъ былъ Михаилъ, говоритъ и Уставъ Всеволода Владимировича: „Взяна перваго митрополита Михаила Кіеву, иже крести всю русьскую землю“.

Откуда же явилось мнѣніе, что первымъ митрополитомъ былъ Леонтій, а Михаилъ—вторымъ? Я думаю, что это нелогичное предположеніе произошло оттого, что духовное лицо, которое составило „Рукописаніе“ Владимира, искаженно смѣсь болѣе старой грамоты, известной подъ названіемъ „Правило законно“. Въ послѣднемъ читается слѣдующее: „Въ лѣто 6496, въ царство Костянтина и Василія, при патриарсѣ Фотѣи, крестися самъ Володимеръ и всю Русь. И приведе с собою изъ Грѣкъ митрополита *Леонта*, таже ¹⁾ уставъ положи съборной церкви..., създавше церковь Матери Божіи“. Это вполнѣ согласуется съ извѣстіями Никоновской лѣт.: въ 6496 г. было крещеніе, въ 6500 г. „взя Владимиръ... митрополита... *Леонта*“, въ 6501 г. „созда церковь Богородици... и положи, написавъ, клятву въ церкви“. Въ „Правилѣ законномъ“ вовсе не говорится о томъ, что Леонтъ былъ *первымъ* митрополитомъ, а только правильно указано, что церковь Матери Божьей (Десятинная) была построена при Леонтѣ. Что касается „Рукописанія“, то тамъ слова „Правила законнаго“ значительно искажены: „Се азъ, кн. в. Володимеръ... въсприадъ есмь святое крещеніе отъ греческихъ царей, Костянтина и Василія, и отъ Фотія, патриарха цареградскаго, и взяхъ прѣвааго митрополита Леона на Кіевъ и на всю Русь, иже крести всю Русскую землю св. крещеніемъ. И потомже, лѣтомъ многымъ мицувиемъ, създахъ церковь св. Богородица Десятинную"... Такимъ образомъ, въ „Рукописаніи“ (Уставѣ) Леонтъ названъ первымъ митрополитомъ.

¹⁾ Новгородская лѣт. по Синод. хар. списку (и другимъ), стр. 449—450. Въ подлинникѣ *также*, что не имѣетъ смысла.

крестившимъ всю Русскую землю. Это наказаніе, я думаю, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что составитель „Рукописанія“, желая прославить митрополита Леонта, приписалъ ему честь перваго проповѣдника, чѣмъ, впрочемъ, весьма мало искажилъ историческую дѣйствительность, и ч., судя по Никоновской лѣтописи, Михаилъ успѣлъ доставить только священниковъ, а епископін (новгородская, черниговская, ростовская, владимирская, болгарская) учреждены уже Леонтомъ.

Теперь является вопросъ: каково соотношеніе между „Правиломъ законнымъ“ и различными видами устава Владимира? Сдѣланное мною изученіе первой грамоты привело къ весьма любопытному выводу: судя по изложенію, „Правило“ составлено было первоначально по-гречески, и потомъ было переведено на русскій языкъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ такія выраженія: „правило *законно* (*νόμο-κανών*) отъ самыя истинны слышахъ св. апостолъ и отецъ предаша (греч. *ἀκούω* = слышу и слышу); въ девяти частей *имѣху власть* (ср. греч. *ἔχειν ἄδεια* = имѣть право на что-н.); князи тояже приѣхна *готово* (ср. греч. *ἐτοίμως* = съ готовностью, охотно); церковное богатство нищихъ богатство *възраста* (ср. греч. *αἰῶν* = возращаю и возрастаю, увеличиваю и увеличиваюсь); странной чяди *прилежаніе* (ср. греч. *ἐπιμελέια* = попеченіе о комъ-нибудь и прилежное занятіе чѣмъ-нибудь, прилежаніе); задушныйи человекъ, *манастыреве*, *болници*, *гостинници*, *страннопримници*: то люди церковныя а богадѣльныя (словомъ *манастыреве* переведено, очевидно, греч. *μονάστριον* = бѣнцы, въ древнихъ памятникахъ также *манастырьници*, *манастри*; слово *болници* (ср. больникъ) — точный переводъ греч. *νοσηρός* = больной, въ другихъ древнихъ памятникахъ этого слова нѣтъ, но оно существуетъ въ словенскомъ и въ серб. *болник* — большой: ср. *гостинници* — переводъ греч. *πικροχείς* = содержатели гостинницы; ср. *страннопримници* — переводъ греч. *ξενοδόχοι* = завѣдующіе страннопримнымъ домомъ; въ другихъ памятникахъ это слово переводится обыкновенно *стрикнопримецъ*, а ср. *страннопримникъ* употребляется въ смыслѣ „радушный хозяинъ“); суды дашы... во всехъ христіанскихъ *людяхъ* (т. е. у всехъ христіанскихъ народовъ; *λαός* = люди и народъ); урѣканія *триблядню* (слово образовано по образцу греческихъ словъ съ первымъ составнымъ *τρι-* — въ

греч. текстъ было или *τριπλασιον*—тройное богохульство, или *τριλοιδον*: тройная брань; *блядья*—отъ *блясти*—существовать, говорить вздоръ ¹⁾; горе себѣ *наследуютъ* (греч. *κληρονομεῖν*—наследовать и вообще получать въ удѣлъ).

Акад. Голубинскій, возставая противъ подлинности Устава, ссылается между прочимъ на то чтеніе одного мѣста, которое принято всѣми издателями грамотъ: „уреканія три: блядью, и зелии, еретичество(мъ)“. „Слово еретичество“, говоритъ онъ, „представляетъ собою одно изъ безчисленныхъ доказательствъ подложности Устава, ибо невозможно допустить, чтобы греческое слово еретикъ уже во времена Владиміра до такой степени было усвоено у насъ, что обратилось въ народную брань“ (стр. 624, прим. 2). Можно согласиться, что слово *еретикъ* обратилось въ народную брань очень поздно, можетъ быть, не ранѣе XVI в., когда была составлена т. н. Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго, гдѣ мы находимъ такія выраженія: „Приидоша Болгаре, вѣрѣ Бехметевы, еретига“: „уреканіе еретикомъ, зубоядъ, бой съ родители“ (такъ здѣсь передѣланъ уставъ Владиміра). Но при такомъ пониманіи этого мѣста, слово *урѣканіе* теряетъ всякій смыслъ. Акад. Голубинскій совершенно правильно толкуетъ его, какъ „обзываніе“ ²⁾. Но можно ли обзывать *еретичествомъ*?—конечно, нѣтъ, и Переяславскій лѣтописецъ вполнѣ логично подставилъ другое слово: *еретикомъ*. Я думаю, слѣдуетъ читать такъ: „урѣканія три: блядью и зелии, еретичество“. Слово *зелии* неумѣстно потому, что на шесть словъ выше уже упомянуто *зелеиничество*, и именно въ такой отвлеченной формѣ, которая требуется связью рѣчи. Наконецъ, такъ понимать это мѣсто составитель третьей редакціи Устава, гдѣ оно читается такъ: „Или кто урѣчется скверными словы и прилагая ³⁾ отца и матерь“.

¹⁾ Противъ известной брани духовенство всегда возставало. Такъ, митрополитъ Фотій въ грам. 1410 г. говоритъ: „Учите дѣтей духовныхъ, чтобы престоли отъ скверныхъ словесъ неподобныхъ, что лаяти пмемемъ отцевымъ и материнымъ,—чтобы не привыкали говорити лихихъ словесъ“. По указанію акад. Ѳ. Е. Корша, брань эта у новыхъ грековъ звучитъ оскорбительно для Богородицы.

²⁾ Ср. въ лѣтоп. подь 1128 г. „Добрыня поноси дщери его, нарекиши ему (Владимиру) робичича“ за то, что она назвала его сыномъ рабыни

³⁾ Слово *прилагая* явилось вслѣдствіе искаженія предполагаемой мною

Остановлюсь еще на нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ акад. Голубинскаго относительно текста Устава по Кормчей XIII в. Уставъ запрещаетъ вводить въ церковь скотъ, псовъ и птицъ. Авторъ считаетъ это запрещеніе русской прибавкой, понимая дѣло такъ, „что у насъ въ первое время христіанства случалось, что позволяли себѣ останавливаться въ церквахъ на почтеть охотники съ стаями своихъ собакъ и съ ловчими птицами“ (стр. 625, прим. 2). Такому пониманію противорѣчить выраженіе „безъ велики нужа“, т. е. безъ крайней нужды. Ясно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ неизмѣненнымъ текстомъ. Въ каноническихъ отвѣтахъ митрополита Юанна II (1080—1089 г.), извѣстныхъ въ греческомъ подлинникѣ, находится слѣдующее предписаніе: „Животныхъ, ловимыхъ собаками и ястребами или другими птицами и умеряваемыхъ, но не закалываемыхъ людьми, по правиламъ божественныхъ отцовъ, не должно употреблять въ пищу“. Въ древне-русскомъ переводѣ мы имѣемъ нѣсколько искаженный текстъ: „А еже емлемыя животныи (мн. ч.)... а умираетъ (ед. ч.), аще не зарѣзано будетъ челоувѣкомъ“... Подъ правилами божественныхъ отцовъ разумѣются правила апостольскія и двухъ соборовъ, указанія А. С. Павловымъ ¹⁾. Тѣ же правила вошли въ составъ и „Правилъ закона“, причемъ въ текстѣ, вѣроятно, стояло: „Крестъ носѣвають, или на стѣнахъ рѣжють, или трѣски изъ креста емлють въ церкви: скотъ, емлемъ пси или потыи, безъ велики нужа кто вѣдять“. Въмѣсто слова *емлемъ* поставлено слово *или*, вмѣсто *вѣдять*—*введеть*. Слово *уести* (*уести*) употреблялось въ значеніи „укусить, побить, пожрать“: въ южныхъ памятникахъ XI в. приставка *у* нѣрѣдко являлась въ видѣ *въ* ²⁾, вълѣдствие чего съвершый плесень помялъ слово *вѣдять* ³⁾ въ качествѣ *введять*, а затѣмъ одинъ изъ слѣдующихъ переносчиковъ счелъ нужнымъ согласовать слово *кто* съ единств. числомъ и замѣнить ф. *введять* формою *введеть*.

Затѣмъ акад. Голубинскій (с. 625, прим. 9), обращая вниманія на форму *изълая*. Ср. упомянутую выше грамоту м. Фотія и „Слово, яко не подобаетъ матерны лаятися“.

¹⁾ Памятники древне-русскаго канон. права, второе изд., I, приложенія, стр. 325—6.

²⁾ А. Е. Крымскій, Украинская грамматика, т. I, выч. I, 111.

³⁾ Въ оригиналъ могла быть форма *въвѣдять*: ср. *медъвѣдъ*.

маніе на выраженіе „по первыхъ цѣсарствъ уряженію и по вселенскихъ св. семи зборовъ великихъ святитель“ (въ Правилѣ: „и по вселенскихъ св. патриархъ и великихъ святитель“), замѣчаетъ: „У Карамзина произвольная поправка *царей*, а въ Дод. къ А. Ц. ошибочно *царевъ*“. Съ этимъ замѣчаніемъ можно согласиться (хотя Карамзинъ могъ основываться на вариантахъ, каковы: *царей*, *царь*), но выраженіе *цѣсарствъ* свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, о древности грамоты, съ другой— о томъ, что она переведена съ греч. языка, т. е. слово *цѣсарство* въ такомъ значеніи встречается, помимо нашей грамоты, только въ двухъ переводныхъ памятникахъ — договорахъ Олега (912 г.) и Игоря (945 г.); это — не что иное, какъ греч. *Βασιλεία* = Императорскія Величества; ср. въ грамотѣ 1347 г. *И Βασιλεία Μου* = Наше Императорское Величество.

В. Марковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).
